

С. О. ЧУХЛІЙ

М. В. КЛОЧКОВ ТА С. Ф. ПЛАТОНОВ:
МАТЕРІАЛИ ДО БІОГРАФІЇ

«...Я не принадлежу к числу таких Ваших учеников, которые на студенческой скамье имели счастье слушать Вас и работать под Вашим непосредственным руководством, но позвольте считать себя тоже Вашим учеником, так как я воспитывался на Ваших ученых трудах и окреп в ученой атмосфере, созданной Вами, за что приношу Вам мою глубокую признательность» (М. В. Клочков).

[8, Ф. 585. Оп. 1. Од. зб. 3139. Арк. 19]

Этот отрывок из письма профессора Михаила Васильевича Клочкова (1877–1952) к Сергею Федоровичу Платонову уже в начале изложения, определенным образом, проливает свет на взаимоотношения историков. В судьбе первого последний сыграл большую роль, будучи учителем, научным руководителем, наставником и просто другом, товарищем на протяжении долгих лет. На сегодня биографии упомянутых историков достаточно известны, но проблема характеристики их отношений – отыскание зависимостей в системе «учитель-ученик» – еще не стала предметом специальных исследований. В данном случае задача состояла в том, чтобы выяснить характер отношений ученых во время написания М. В. Клочковым знаковых трудов своей жизни – магистерской и докторской диссертаций. Это был определенный творческий рубеж, когда Михаил Васильевич формально засвидетельствовал свою причастность к корпорации ученых-историков. Труды М. В. Клочкова в свое время вызвали определенный резонанс в научном сообществе. На них появились отзывы и рецензии, в которых авторы выражали разные, порой противоречивые, оценки [2; 5; 10; 12]. Тем интереснее обратить внимание на позицию непосредственного научного руководителя – С. Ф. Платонова, которая отражена в рукописных отзывах. Среди огромного эпистолярного наследия ученого, которое хранится в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), есть и такие источники [8, Ф. 585. Оп. 1. © Чухлий С. О.

Д. 1450. 7 л.; Д. 1463. 11 л.]. К тому же, сохранившаяся переписка Платонова – Клочкова позволяет проследить некоторые аспекты взаимоотношений учителя и ученика во время работы последнего над текстами своих работ и отражает некоторые обстоятельства их подготовки и публикации.

Известно, что после окончания Юрьевского университета, в 1905 г. М. В. Клочков был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории и откомандирован в Санкт-Петербургский университет для «научных занятий» на два года [9, Ф. 740. Оп. 17. Д. 42. Л. 12]. Учился он под руководством проф. С. Ф. Платонова и, таким образом, был приобщен к авторитетной «школе русских историков Санкт-Петербургского университета», которая была представлена именами не только С. Ф. Платонова, но и К. Н. Бестужева-Рюмина, Е. Е. Замысловского, А. Е. Преснякова и др. [1, С. 2], что в известной степени повлияло на формирование научного мировоззрения, моральных ценностей молодого исследователя М. В. Клочкова, а также на выбор тематики его трудов и направлений исследовательской деятельности.

С самого начала своего пребывания в Петербургском университете, М. В. Клочков активно включился в работу. Он не единожды посещал своего учителя дома во время подготовки к сдачи магистерских экзаменов [8, Ф. 585. Оп. 1. Д. 3139. Л. 3, 7]. Решением министра народного просвещения от 26.01.1907 г. ему позволили остаться в университете еще на один год [9, Ф. 740. Оп. 17. Д. 42. Л. 12]. В июне 1908 г. Клочков успешно выдержал «установленные на степень магистра русской истории испытания и прочитал в собрании историко-филологического факультета пробные лекции, признанные удовлетворительными» [9, Ф. 740. Оп. 17. Д. 42. Л. 12]. В том же году он был допущен к чтению лекций в Санкт-Петербургском университете в качестве приват-доцента по кафедре русской истории. Параллельно он готовил магистерскую диссертацию (первоначальный вариант ее названия был таким – «Подушная перепись и ее ревизия при Петре Великом»), но для этого ему была необходима научно-исследовательская работа в архивах не только Петербурга, а и Москвы. С просьбой посодействовать такой командировке [8, Ф. 585. Оп. 1. Д. 3139. Л. 6] и с тем, чтобы ему выслали некоторые дела для работы дома, Клочков обращался к Платонову. Сергей Федорович поддерживал своего ученика как советами, используя

собственные книги и материалы, так и обращаясь за помощью к сотрудникам Публичной библиотеки и Археографической комиссии [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 8]. В итоге, в 1910 г. М. В. Ключков приступил к подготовке публикации своей работы, которая увидела свет в следующем году под названием «Население России при Петре I по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721)» [6] и была защищена им как диссертация, за что ему и была присуждена степень магистра русской истории. В своем отзыве проф. С. Ф. Платонов особенно подчеркнул использование источников, которые впервые вводились в научный оборот. В целом, он дал ей достаточно позитивную общую оценку, хотя и отметил определенные недостатки в работе своего ученика.

Через два года, в 1913 г. Харьковский университет объявил конкурс на замещение вакантной должности профессора по кафедре русской истории [4], и, заблаговременно предупрежденный коллегами, М. В. Ключков поспешил в Харьков. Но, эти выборы стали для него нелегким испытанием, поскольку вызвали значительный резонанс как внутри университета, так и за его пределами. Мнения историко-филологического факультета и Совета Университета кардинально разошлись в отношении кандидатов на вакантную должность, на которую претендовал не только М. В. Ключков, но и В. И. Веретенников [3]. В этой связи Ключков писал своему учителю: «Получил из Харькова вырезки из газетного фельетона, а затем целую брошюру А. С. Вязигина по поводу замещения кафедры. Я был весьма смущен, что в полемику замешано Ваше имя, даже напечатано то письмо, которое должно быть известным немногочисленному составу факультета. Могу Вас уверить, Сергей Федорович, что я совершенно не причастен к этой шумихе и смотрю на нее с большой душевной тревогой и огорчением. Я не думал, что до такой степени разгорятся страсти и нам здесь придется переживать разные неприятности. Осаждают письмами. Неловко перед Вами, что я доставляю столько хлопот и беспокойства с Харьковом. Надеюсь, что это скоро закончится» [8, Ф. 585. Оп.1. Спр. 3139. Арк. 22-23]. Действительно, через недолгое время пришло решение Министерства народного Просвещения, в соответствии с которым М. В. Ключков получил ожидаемую должность [11].

Тяжелым был переезд на новое место, налаживание новых отношений и связей: «...город чужой, знакомых – ни души. Эта

ужасная война волнует и не дает возможности сосредоточиться на Павле» [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 25], – писал М. В. Ключков учителю в августе 1914 г., с которым поддерживал и в дальнейшем отношения в форме переписки. Основой для общения было стремление продолжить исследование периода царствования Павла I. Как отмечал в письме сам Ключков, эта работа о Павле I была «в значительной мере навеяна советами и указаниями» Сергея Федоровича [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 29]. Михаил Васильевич начал свою работу над новой темой буквально сразу после окончания предыдущей и работал над ней достаточно интенсивно. Как он сам констатировал – «Работа разрослась и запозднилась. Но я сделал все, что мог» [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 27]. Все время он получал указания от С. Ф. Платонова. Хотя, возможно, отношения в этот период стали несколько напряженными, о чем свидетельствует весьма сухой и деловой тон некоторых писем [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 32, 33]. Учитель чувствовал риск выбранного направления исследования и не спешил с защитой, не смотря на просьбы Ключкова ускорить диспут [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 30]. Но, все-таки, в 1916 г. состоялась защита работы М. В. Ключкова «Очерки правительственной деятельности времени Павла I» [7] как докторской диссертации, которая была опубликована в том же году в Петрограде. Ученый не рискнул защищаться в Харькове (к слову, как и его предшественник по кафедре проф. П. Н. Буцинский). Работа вызвала разные отзывы, но они касались скорее не ее профессионального уровня, а оценок Павла I в историографии. Защита докторской диссертации означала окончательное научное признание ученого. Это было подтверждением профессионального потенциала и трудолюбия Ключкова, который не смотря на неблагоприятные обстоятельства, смену места жительства и сложные общественно-политические условия, смог в достаточно короткий срок написать и защитить фундаментальную диссертационную работу. Она свидетельствовала и о том, что познавательные интересы ученого определились и были сосредоточены в сфере изучения конкретных проблем отечественной истории. Более того, характерной чертой творчества М. В. Ключкова было стремление отойти от какой-либо теории в область конкретного фактологического исследования, о чем красноречиво свидетельствуют и приведенные ниже отзывы С. Ф. Платонова.

Переписка М. В. Ключкова та С. Ф. Платонова, как свидетельствуют существующие материалы, длилась до 1926 г. [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 47-48]. Находясь в это время в Краснодаре, Ключков и в дальнейшем держал Сергея Федоровича в курсе собственных дел, повествуя о своих жизненных и профессиональных «радостях и удачах», которые чередовались «с неудачами и огорчениями» [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 26].

Отметим, что отзывы С. Ф. Платонова на диссертации М. В. Ключкова представляют собой несомненный интерес не только с точки зрения характеристики двух главных трудов М. В. Ключкова, но и понимания особенностей диссертационной культуры того времени, а также взаимоотношений двух ученых. Очевидным является факт того, что ученик был благодарен своему учителю не только за творческое сотрудничество: «...Но еще большая моя признательность Вам за то, что Вы меня, так сказать, подброшенного Вам, согрели своим сердечным вниманием, своим добрым отношением ко мне. Этой ласки, этой доброты, я никогда не забуду. Преданный Вам, Михаил Ключков 04.04.1913». [8, Ф. 585. Оп.1. Д. 3139. Л. 19].

**Отзыв на магистерскую диссертацию М. В. Ключкова
«Население России при Петре Великом по переписям того
времени. Т. 1: Переписи дворов и населения (1678-1721)»**

Приступая к изучению истории населения в эпоху Петра Великого, автор «предполагал изучить первую ревизию и проследить ее влияние на судьбу тяглого населения». Но когда он вошел в ближайшее ознакомление с материалом и освоился с научным состоянием вопроса, то убедился, что ему нужна подготовительная работа: «раньше ревизии должны быть (по его убеждению) изучены переписи дворов и населения за конец XVII и начало XVIII века», ибо «они существенным образом определили реформу податного обложения, произведенную Петром I, самый ход подушной переписи и те последствия, которые она имела». Исследование первой ревизии было отодвинуто во второй том работы, а первый том оказался посвященным подготовительным разысканиям, именно «изучению переписей до ревизии и характеристике населения по ним».

Таков предмет, представленной г. Ключковым диссертации. Г. Ключков начинает свою книгу «Очерком переписей от 1678 г. до 1710 г.» (гл. 1), затем обращается к переписи 1710 г., изучает ее

историю и выясняет ее цифровые результаты (гл. 2). Как известно, эти результаты, вопреки ожиданиям правительства, обнаружили резкое уменьшение тягловых дворов и платящего населения и, тем самым, создали для Петра Великого тяжелый вопрос о причинах оказавшийся «пустоты»; он определяет вероятные размеры (19,5 %) и пытается исследовать ее причины (гл. 3, 4). Изучение причин далеко отводит г. Ключкова от его прямого сюжета – истории переписей. Он различает «пустоту правдивую» (или «сушую») и пустоту, происшедшую от обмана – «утайки» податных имуществ и людей. Объясняя причины пустоты, он говорит читателю о тяжести государственных сборов и повинностей, о злоупотреблениях администрации и землевладельцев, о народных бедствиях: нашествиях врагов, бунтах, разбоях, эпидемиях, пожарах, неурожаях, побегах и пр. Из 435 страниц труда г. Ключкова объяснению причин пустоты посвящено 173 страницы, т.е 2/5 всего объема книги. Затем автор возвращается к истории переписного дела и следит за тем, как правительство относилось к итогам переписи 1710 г., как оно в практике обложения и взимания налогов избегало пользоваться ее невыгодными данными, и как пыталось частными переписями исправить ее итоги (гл. 5). Далее следует история ландратской переписи 1715 г. и следующих годов с очерком истории самой должности ландратов, ведавших новой переписью (гл. 6 и 7). Книга заканчивается кратким обзором тех проектов податной реформы, которые рекомендовали царю Петру заменить подворное обложение подушным (гл. 8). Изложение нашего автора заканчивается, таким образом, на моментах перелома, когда в правительстве созрела решимость на коренную перемену в податной практике.

Труд г. Ключкова представляет собой самостоятельное исследование, основанное не только на изданном материале, но и на архивном. Автор пользовался делами пяти архивов (Московских – Архив Министерства Юстиции и Министерства Двора, и Петербургских – Государственного, Сенатского и Морского Министерства). Всего им цитируется около 120 книг, дел и связок, иногда весьма объемистых. С большим старанием, стремясь к полноте материала, г. Ключков столь же усердно заботится и о внешней обстоятельности изложения: оно фактично и документально (и потому, от части, мелко и сухо). Книга Ключкова включает в себе богатый материал для статистики населения в Петровское время и содержит много данных для

истории правительственного хозяйства той эпохи. В этом ее бесспорное значение и заслуга.

В общем, однако, книга г. Клочкова оставляет в читателе чувство некоторой неудовлетворенности. Избрав своей целью исследование в известный период «населения России по переписям», автор имел достаточно определенную задачу: изобразить движение населения в государстве в связи с податными мероприятиями Петра Великого. Он мог не выходить из области вопросов правительственной статистики и фиска, но в этой области он должен был бы сразу довести исследование до конца своего периода, чтобы дать полную картину взаимодействия податной системы Петра Великого и перемен в размещении населения, в его росте или убыли. Оставив читателя без истории первой подушной переписи, г. Клочков остановился по середине своей темы и лишил свое изложение внутренней законченности. В то же время, он счел нужным для объяснения причин «правдивой пустоты», обнаруженной переписью 1710 г., обратиться к возможно подробнейшему изучению обстоятельств, лежавших вне его прямой темы. Из сферы государственно-хозяйственной он сделал рискованный переход в область народно-хозяйственную, исследование которой в петровскую эпоху представляет большие трудности. Ему пришлось говорить о самых разнородных явлениях общественной жизни – о всем том, что, по его мнению, могло экономически угнетать население и толкать его на побег и «утайку». Для такого сложнейшего сюжета г. Клочков обладал, хотя и большим по количеству, но случайным по составу материалом, а потому его изложение в данной главе обратилось в бледный перечень фактов, доказывающих или объясняющих то, что представляется вероподобным и само по себе, при самом общем знакомстве с положением дел в тот исторический момент. Нет сомнения, что г. Клочков мог бы в данном случае обойтись без своей 4 главы, занимающей 2/5 его книги, и мог бы заменить ее краткой заметкой о разнообразии тех условий, которыми надлежит объяснять сильную утечку податной массы в нач. XVIII века. Тогда бы нашлось бы для него время и место для включения в этот же том и исследования первой ревизии.

В настоящем своем виде, без естественного конца и с ненужной, по моему мнению, вставкой, книга г. Клочкова представляется мне незаконченной, но обстоятельной монографией. В умении автора обращаться с первоисточниками у меня не возникает сомнений, в

добросовестности изложения также. Г. Клочков уже сложившийся ученый работник, уже привыкший к ученому труду, литературной деятельности. Оставляя за собой право предъявить ему на диспут частные замечания, я ходатайствую перед факультетом о признании его книги вполне удовлетворительной для получения степени магистра, и о допущении автора к публичному диспуту.

[1911]

(Черновой автограф С. Ф. Платонова и машинописная копия, в обложке, с карандаш. атрибутивной пометой С. Ф. Платонова. ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1, Д. 1463, 11 л.)

Отзыв на книгу М. В. Клочкова «Очерки правительственной деятельности времени Павла I»

Книга г. Клочкова занимает видное место в исторической литературе, касающейся царствования императора Павла I. Его работой начато спокойно-объективное изучение времени Павла I и сделан переход от дилетантских упражнений над этим временем к серьезному научному его освещению. Личность и деятельность Павла в нашей литературе не избежала общей участи политических деятелей [*неразборчиво*] ...они обычно становятся предметом внимания предметом внимания предприимчивых любителей исторических чтений и писательства, и описываются с точки зрения занимательного анекдота и произвольной характеристики, и являются перед публикой не в надлежащей исторической перспективе, с сомнительным очертанием. Когда же становится возможным научное прочтение эпохи в ее основном содержании с надлежащей полнотой материала и строгостью критического приема, то исследователю приходится бороться не только с внутренними трудностями темы, но и с результатами предшествующих «изучений». Именно на такой позиции находился г. Клочков, когда взялся за материалы Павловского царствования. Он говорит в своем «предисловии»: «Мое представление об этом царствовании было обычным, основанном на господствующей в литературе точке зрения. Однако, читая подлинные дела и события этого царствования, я невольно заметил несоответствие между многими представлениями о времени Павла и тем впечатлением, которое производится хотя бы беглым просмотром подлинных бумаг Павловского царствования». Знакомство с архивным материалом привело г. Клочкова к убеждению, что в «исторической литературе время Павла освещено односторонне», что его

«внутренняя правительственная деятельность как таковая или не затрагивалась вовсе, или же рассматривалась попутно и в беглых чертах. Предшественники г. Ключкова – «историки и писатели» – основывались, по преимуществу, на противоречивых и пристрастных данных мемуаристов, и не шли дальше личной [характеристики? – *неразборчивое слово*] Павла, описания придворной жизни и беглых замечаний о внешней политике и военных мероприятиях того времени. В противоположность им г. Ключков в основу своих наблюдений над эпохой Павла положил «новые архивные материалы» и сосредоточил свое внимание на совокупности правительственных мероприятий Павла по внутреннему управлению государством. «В его мероприятиях я заметил (говорит г. Ключков) известного рода систему, которая им, при участии многих видных сановников, проводилась в жизнь более или менее планомерно, не смотря на некоторые вспышки гнева и изменчивость настроений Павла, отражавшихся на судьбе отдельных лиц, но не менявших общего течения дел и порядка». Обнаружение этой «системы» императора Павла явилось главной задачей г. Ключкова. Нельзя не признать, что такая задача и своевременна, и правильна.

В книге г. Ключкова им самим различаются две части. Одна – главная, в которой дается решение основной задачи исследования, а именно: изложены преобразования, произведенные Павлом в центральных учреждениях и в области местного управления и сделана попытка объяснить социальную политику Павла, главным образом, в отношении дворянства и крестьянства. Если бы автор ограничил свой труд только этой частью и дал читателю только эти «очерки правительственной деятельности времени Павла I», он остался бы в пределах намеченной задачи, осветил бы многие стороны внутренней жизни и отношений правительства и управляемого общества в годы правления Павла, и ввел бы в науку новый и ценный фактический материал. Критике оставалось труд оценить, насколько точно и глубоко понята автором система, что им значительно расследовано, и что остается доследовать. Но г. Ключков не удовлетворился «главной» частью книги и добавил к ней «вводную» (почти в полтора страницы) в которой характеризовал, вообще отрицательно, значение «мемуаристов» для изучения времени Павла, дал обзор исторической литературы о Павле, беглый очерк «состояния России в последние годы царствования Екатерины II», и наконец, попытался характеризовать

Павла «как просветителя». Эта «вводная» часть не может удовлетворить читателя, хотя, по-видимому, автор был склонен придавать ей значение весьма существенное: именно эта часть, по его замыслу, должна была определить субъективную сторону его труда и сообщить «очерками для [*неразборчивое слово*] значение «характеристики Павла». Г. Ключков говорит: «В своей характеристике Павла, как можно видеть из текста книги, я разошелся с общепринятой точкой зрения». Поскольку личная точка зрения г. Ключкова опирается на содержание первой части его книги, она является малопримлемой, а данная г. Ключковым «характеристика Павла» – мало развитой и обоснованной. Для достижения цели автора немного значит предложенная в книге оценка «мемуаристов» (гл. 1), дан обзор не всей литературы мемуаров, относящихся к Павлу, а отдельных, на взгляд автора, типичных мемуаристов – обличителей и поклонников Павла. При этом, г. Ключков совсем прошел мимо драгоценных показаний Сестренцевича-Богуща (его первую, важнейшую часть, бесспорно, он мог бы узнать и использовать еще до окончания своего труда; в стороне остались также ценнейшие места записок [*неразборчивое слово*] и знаменитая оценка Павла, данная Карамзиным. Вообще, даже с точки зрения собственных тенденций г. Ключков воспользовался материалом мемуаров неполно и нечутко, а потому и результат у него получился скудный и несоответствующий цели. Кое-что им хорошо разъясняется, например путаница некоторых сообщений современников [*неразборчиво*]; может быть, справедливо отмечается классовая, дворянская подоплека настроений в мемуарах, но и только.

Из своей работы изучения мемуаров г. Ключков постарался извлечь материал для построения личной характеристики Павла, для определения его темперамента и душевных наклонностей; а между тем, если он хотел дать своей книгой «характеристику Павла», он непременно должен был добыть такой материал. Его неоткуда было взять, кроме личных бумаг Павла и отзывов о Павле его современников, способных к наблюдению и суждению. И бумаги Павла, и отзывы о нем г. Ключков знает, но ни то, ни другое не подвигнуло автора на творчество. Когда он (во 2 гл.) дает читателю отзыв о самом Павле «как правителе», он не воссоздает его характера, а ограничивается рядом замечаний о взглядах и свойствах Павла, не сводя, однако, этих замечаний в цельную характеристику. Замечания г. Ключкова иногда метки, иногда же

насколько парадоксальны, что вызывают недоумение. Так автор готов утверждать, что «Павел I был глубоко проникнут идеей законности» и что «с момента вступления на престол Павла законность и порядок стали лозунгом нового царствования» (С. 116-117). Читателю кажется, что здесь произошло слияние терминов «закон» и «законность», и что вместо «законности» Павлу надлежит, скорее всего, приписать [*неразборчивое слово*] к внешнему порядку и субординации, склонность к мелочности и жестокому формализму. «Кроме законности (продолжает г. Ключков на С. 120-126) второй важной чертой павловского управления был его военный характер, перенесенный Павлом из армии в сферу гражданских порядков [*неразборчиво*] был введен военный режим в управлении государством. Короче было бы назвать это военной диктатурой, наличие которой [*неразборчиво*] можно употребить «законность». Построенный, как видим, на несколько спонтанном и рискованном подборе черт, отзыв г. Ключкова о Павле как правителе сначала рисует принципы и приемы его управления, затем его взгляды на положение сословий, на просвещение, на церковную жизнь, на финансы, военное дело, внешнюю политику. Когда же автор сводит свой отзыв к окончательному выводу, он делает его в пользу Павла, называя его «человеком вполне умным с высокими и разумно обоснованными принципами» (С. 135), и здесь же сам ограничивает себя «но». Отмечая «парадоксальность» ума Павла, «сумасбродство» его поступков, «резкость», доходящую до «исступления», г. Ключков признает, что Павел «не владел самостоятельно своей волей» и поддавался влияниям. Вторая часть отзыва, конечно, прямо не противоречит первой, но она нам рисует другого Павла. Между двумя половинами отзыва, нет ни внутреннего сродства, ни искусной внешней спайки; отдельные черты не имеют цельного характера; есть накопление данных – нет творчества.

Статьи о мемуаристах, и о самом Павле могут быть приведены во внутреннюю связь между собой. Отдельно как-то стоит историографический обзор в I главе. «Взгляды историков на императора Павла и его правительственную деятельность» автор делит на группы по их отношению к деятельности императора Павла: в первой группе перечислены отрицательно относившиеся к Павлу, во второй – почитатели Павла, и в третьей – занимавшие «примирительное положение». Обзор может быть полезен для справок; но для развития темы книги он не важен, и не дает ничего.

Также не имеет важности и беглый очерк «состояния России в последние годы царствования Екатерины II», составленный, кстати сказать, с таким же усердием к мемуаристам эпохи Екатерины, какое не нравится автору у историков времени Павла. Без ущерба для дела, этот очерк мог быть замененным отдельными попутными замечаниями в дальнейшем тексте книги г. Ключкова.

Итак, в первой «вводной» части книги читатель находит не цельную характеристику Павла, а лишь некоторый материал для нее. По «предисловию» можно предположить, что автору его труд представляется как такой акт ученого творчества, целью которого было воссоздание Павла через объединяющий спектр его личных черт и особенностей его государственной деятельности. Но до такого синтеза автор не поднялся – характеристика Павла ему не удалась и не получила должной законченности и определенной научности художественного образа; а очерки правительственной деятельности Павла, взятые отдельно от «вводной» части книги, сами по себе никакой общей «характеристики» эпохи не дают, а представляют собой свод тем и материалов, относящихся к внутренней деятельности правительства Павла, причем этот свод не во всех своих частях одинаково разработан и не с одинаковой обстоятельностью изложен.

Таково наше общее представление о структуре книги г. Ключкова. Повышенным требованиям (к которым дает повод сам автор) она не удовлетворяет. Но освобожденная от претензий на исторический синтез, она представляет читателю много полезного. В ней можно найти обстоятельный обзор всех сторон правительственной деятельности Павла, основанный на богатейшем архивном материале. Этот обзор часто переходит в детальное исследование того или иного вопроса, особенно в сфере сословной политики жизни изучаемого периода. Из области анекдотства, субъективных оценок и смутных преданий, Павловское время в книге г. Ключкова переходит в область реального исторического видения и получает определенные контуры. Правда, можно еще спорить, удалось ли г. Ключкову точно определить правительственную «систему» Павла во всех ее частях и удалось ли ему правильно понять одушевлявшие Павла принципы и двигавшие им инстинкты власти. Но несомненно, что г. Ключковым положен твердый фундамент для научной истории Павла и сделана первая, неблагодарная, черновая работа как для его собственных дальнейших работ по истории данного царствования, так и для

трудов других, следующих за ним, изысканий. В отношении научности своего труда г. Клочков стоит вне сравнений с теми, кто до него пытался изучить и истолковать деятельность и личность Павла в специальных о нем статьях и книгах. Исключение можно сделать лишь для труда Д. Ф. Кобеко, В. Ф. Чижа.

[1916]

(Автограф С. Ф. Платонова, с пометами и приписками.
ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1, Ед. хр. 1450, 7 л.)

Література

1. *Брачев С. В.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба / С. В. Брачев – СПб.: Стомма, 2001. – 246 с.
2. *Верховской П. В.* [Рецензия] / П. В. Верховский // Исторический вестник. – 1911. – Т. 116, № 11. – С. 763–767. – Рец. на кн.: Население России по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) / М. Клочков. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 2, VI, 435 с.
3. *Вязигин А. С.* Разные аршины (к вопросу о замещении университетских кафедр) / А. С. Вязигин. – Х.: Мирный труд, 1914. – 24 с.
4. *Дело* об избрании историко-филологическим факультетом Императорского Харьковского университета 28 октября 1913 г. профессора по кафедре русской истории: Представление ист.-филол. ф-та Императорского Харьковского ун-та на имя г. ректора ун-та от 9 декабря 1913 года, за № 335 // Записки Имп. Харьковского университета. – 1914. – Кн. 1, ч. офиц. – С. 41–42.
5. *Кизеветтер А. А.* [Рецензия] / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. – 1911. – Кн. 9, № 11. – С. 409–410. – Рец. на кн.: Население России по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) / М. Клочков. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 2, VI, 435 с.
6. *Клочков М. В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени / М. В. Клочков – СПб.: Сенат. тип., 1911. – Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721) – 435 с.
7. *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М. В. Клочков – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 629 с.
8. *Отдел* рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ).
9. *Российский* государственный исторический архив.
10. *Рождественский С.* [Рецензия] / С. Рождественский // Русский исторический журнал. – 1917. – № 1. – С. 193–199. – Рец. на кн.: Очерки правительственной деятельности времени Павла I /

М. В. Клочков. – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 4, IV, 631 с. – (Записки Историко-филологического общества Петроградского университета; ч. 132).

11. *Чухлій С. О.* Кадрові пристрасті в Харківському університеті (епізод з біографії проф. М. В. Клочкова) / С. О. Чухлій // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: зб. наук. пр. – Х., 2006. – Вип. 8. – С. 236–241.
12. *Шумигорский Е.* [Рецензия] / Е. Шумигорский // Исторический вестник. – 1916. – Т. 142, № 11. – С. 499–503. – Рец. на кн.: Очерки правительственной деятельности времени Павла I / М. Клочков. – Пг.: Сенат. тип., 1916. – 4, IV, 631 с. – (Записки Историко-филологического Общества Петроградского университета; ч. 132).